

А. А. ЗИМИН

МАКСИМ ГРЕК И ВАСИЛИЙ III В 1525 г.

Вопрос об обстоятельствах и причинах суда над Максимом Греком в 1525 г. уже давно являлся предметом историографических споров. Теперь, после обстоятельного исследования Н. А. Казаковой¹, установлено, что так называемое «Судное дело» Максима Грека представляет собой позднейшую публицистическую обработку материалов обоих процессов над Греком (1525 и 1531 гг.) и для изучения судебного разбирательства 1525 г. может привлекаться только с очень большой осторожностью.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть столкновение Василия III с Максимом Греком и его единомышленниками в тесной связи со сложными обстоятельствами внешней и внутренней политики России начала 20-х годов XVI в.

* * *

Бурный 1521 год принес с собой тяжелые последствия для России. После того, как еще весной в Казани вместо согнанного московского ставленника Шигадея утвердился крымский царевич Сагиб-Гирей, Русское государство стало находиться под двойной угрозой — с юга и востока. Летом того же года на русские земли обрушился кратковременный, но ужасный шквал набега крымских войск Мухаммед-Гирея. Войска хана дошли почти до самой Москвы (отдельные отряды побывали в Воробьеве). Московский государь бежал из столицы и некоторое время скрывался в Микулине (Волоколамский уезд). Еще никогда крымские войска не проникали так далеко в глубь русской территории. Во время набега в Литву бежал последний рязанский князь Иван Иванович. Неизвестно было, какую позицию к происшедшим событиям займет новый турецкий султан Сулейман, к которому с поздравлениями по случаю вступления на престол отправлена была специальная грамота².

Опасность новых осложнений на Востоке не исчезла и в 1522 г. Получив известие о грозящем походе Мухаммед-Гирея, Василий III в мае 1522 г. с войсками направился в Коломну, где он находился в ожидании набега крымцев до августа.

В августе к великокняжескому двору прибыл посол турецкого султана грек Скиндер. Но он разочаровал московского государя. Прежде всего это был не «великий человек» султана (т. е. вельможа), а обычный

¹ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 109—126; ХХIХ, 1968, стр. 108—134. Здесь приведена историография вопроса.

² Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, стр. 674—706.

купец. К тому же в своей грамоте султан говорил только о торговле, а не о каких-либо союзнических отношениях, на которые рассчитывал Василий III. После длительных переговоров, продолжавшихся до марта 1523 г., в Порту послан был «ближний человек» И. С. Морозов, который должен был сообщить Сулейману о желании московского государя быть с ним «в дружбе и в братстве и в любви. . . заодин»³. Речь, конечно, шла о вполне реальных вещах — о военно-политическом союзе против Мухаммед-Гирея, который, как это известно было в Москве, был «недругом» не только Василию III, но и Сулейману.

На западных границах России после длительных, но малоэффективных столкновений с Литвой заключено было в 1522 г. трехлетнее перемирие, которое давало возможность московскому правительству сосредоточить свое внимание на решении татарской проблемы.

Неожиданное событие на юге облегчало, казалось, выполнение задуманных планов. Зимой 1522/23 г. во время похода на Астрахань Мухаммед-Гирей погиб. На крымский престол вступил ставленник Сулеймана — Саадат-Гирей. Это разбивало надежды Василия III на антикрымский союз с Сулейманом. Но наступившая «смута» в Крыму давала возможность России попытаться решить первоочередную Казанскую проблему. Здесь дело шло к войне. Весной 1523 г. в Казани был убит русский посланник В. Ю. Поджогин, брат ближайшего советника Василия III — Шигоны⁴.

Сложной была и внутриполитическая обстановка в России. Уже давно Василию III становилось ясным, что действенная оборона на юге невозможна без ликвидации буферного княжества Василия Шемячича в Новгород-Северском. Неоднократно в Москву поступали доносы о том, что Шемячич собирается изменить Москве, сносится с Сигизмундом и литовской знатью⁵. Особенную опасность для Москвы теперь представляло то, что новгород-северский князь находился в постоянных самостоятельных сношениях с крымским ханом и его мурзами. Во время набега Мухаммед-Гирея на русские земли в 1521 г. Шемячич ничего не сделал ни для того, чтобы предупредить Василия III о грозящей беде, ни для того, чтобы ее предотвратить. Это фактически и решило его судьбу. Очевидно, вскоре после набега Мухаммед-Гирея Василий III решил «поймать» Шемячича. Но тот не хотел появляться в Москве без «охранной грамоты» митрополита, гарантирующей его неприкосновенность. Митрополит Варлаам категорически отказался выступить в роли клятвоступника и 17 декабря 1521 г. покинул митрополию⁶. Он съехал на Симоново, а потом был сослан в Каменский монастырь. По С. Герберштейну, Варлаам это сделал, «когда государь нарушил клятву князю Шемячичу и допустил нечто другое, что, по-видимому, являлось нарушением власти митрополита»⁷. Тут явная хронологическая путаница: Шемячичу великий князь нарушил клятву позднее. Очевидно, речь должна идти о том, что Василий III собирался нарушить ее и принуждал к этому митрополита, на что тот не пошел.

27 февраля 1522 г. вместо Варлаама, покровителя Максима Грека и Вассиана Патрикеева, митрополитом всея Руси стал их злейший враг

³ Б. Дунаев. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916 (далее — Дунаев), стр. 44.

⁴ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

⁵ См. донос В. С. Стародубского 1517 г.: АИ, т. 1, № 124.

⁶ ПСРЛ, т. 4, стр. 541; т. 6, стр. 264 (18 декабря 1522 г.); т. 8, стр. 269; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 21, стр. 603; т. 22, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221 (19 декабря); т. 26, стр. 311; т. 30, стр. 146 (16 декабря); М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В сб.: «Московский край и его прошлое», ч. II. М., 1930 (далее — Тихомиров), стр. 110; С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 г. — «Исторический архив», т. VII. М.—Л., 1951, (далее — Шмидт), стр. 280 (18 декабря).

⁷ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908 (далее — Герберштейн), стр. 41.

игумен Волоколамского монастыря Даниил, верный последователь Иосифа Волоцкого⁸. К Даниилу Василий III приглядывался уже на протяжении нескольких лет во время своих поездок на Волок (1515, 1518 гг.). Человек, готовый на все, чтобы укрепить свое влияние при великокняжеском дворе, Даниил сразу же начал энергично насаждать своих ставленников на высшие церковные должности. 30 марта 1521 г. умер тверской владыка Нил Гречин, родич влиятельного казначея Василия III — Юрия Дмитриевича Траханиота⁹. 30 марта 1522 г. на его место был назначен иосифлянин Акакий¹⁰. 3 марта покинул Рязанскую епархию Сергей, а 23 марта ее занял Иона, архимандрит новгородского Юрьева монастыря¹¹.

Летом 1522 г. Василий III хотел послать Шемячича с воеводами против крымского хана¹². Но об участии новгород-северского князя в обороне русского Юга и в этот год разряды и летописи молчат. Тогда решено было привести в исполнение давно задуманный план ликвидации этого «запазушного врага». Он вызван был в столицу, получив «охранную грамоту». В апреле 1523 г. Шемячич прибыл в Москву и угодил в заточение, несмотря на клятвенные уверения в безопасности приезда в столицу, данные князю Василию московским государем и митрополитом¹³. Нарушение клятвы митрополитом вызвало бурю негодования в русском обществе, но зато было одобрено великим князем. Вероятно, с этим негодованием связано отстранение от должности в апреле 1523 г. пермского епископа Пимена¹⁴.

К началу 20-х годов XVI в. Василий III должен был снова задуматься над той угрозой, которую для него представлял его брат — князь Юрий Иванович Дмитровский.

Все началось, казалось бы, с незначительного факта. Один из калязинских купцов, некто Михаил, задумал построить новый каменный собор в местном монастыре. В этом богоугодном деле его поддержал князь Юрий Иванович Дмитровский, в удел которого входил Калязин¹⁵. При сооружении фундамента Троицкого собора 26 мая 1521 г. были обнаружены мощи основателя Калязинского собора Макария, умершего еще в 1483 г.¹⁶ Князь Юрий «порадовавшеся неизглаголанною радостью» и поспешил объявить эти мощи чудотворными. Новый «чудотворец» должен был укрепить престиж дмитровского князя, его покровителя. Юрий Иванович поэтому отправился ко двору своего державного брата, чтобы добиться признания официальной церковью Макария «чудотворцем».

Василий III медлил. Очевидно, при его дворе многие, подобно Василиану Патрикееву, весьма сомневались в том, что простой мужик Макарий мог оказаться чудотворцем. Только после того, как митрополитом стал

⁸ ПСРЛ, т. 4, стр. 541; т. 6, стр. 264 (1522/23 г.); т. 8, стр. 269; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402, 603—604; т. 22, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221 (20 февраля); т. 26, стр. 311; т. 30, стр. 146; *Тихомиров*, стр. 110; *Шмидт*, стр. 281 (26 февраля).

⁹ ПСРЛ, т. 30, стр. 145; ср.: Описи Царского архива XVI века. М., 1960, стр. 22, ящик 36.

¹⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 264 (1522/23 г.); т. 8, стр. 270; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 21, стр. 519; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221; т. 26, стр. 311; *Шмидт*, стр. 281. По Строеву, был в Возмицком монастыре на архимандрии после 3 февраля 1517 г.: *П. Строев*. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской империи. СПб., 1877 (далее — *Строев*), стб. 247.

¹¹ ПСРЛ, т. 6, стр. 264 (зимой 1522/23 г.); т. 8, стр. 269—270; т. 13, стр. 43; т. 20, стр. 402; т. 23, стр. 203; т. 24, стр. 221; т. 26, стр. 311 (март); т. 30, стр. 146. *Шмидт*, стр. 281. В Юрьеве монастыре он был архимандритом в 1517—1522 гг. (*Строев*, стб. 45).

¹² *Тихомиров*, стр. 110.

¹³ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

¹⁴ ПСРЛ, т. 30, стр. 146. Он не подписал и грамоту от 1 апреля 30 августа 1522 г. (СГГД, ч. 1, № 149). Где-то в начале февраля 1523 г. должны были состояться заседания церковного собора (АЮ, № 360, стр. 385—386).

¹⁵ ГБЛ, Унд. № 310, лл. 7—7 об.

¹⁶ ПСРЛ, т. 8, стр. 209; т. 22, стр. 5187.

Даниил, бывший игумен Волоколамского монастыря, пользовавшегося расположением князя Юрия, в Калязин посылается чудовский архимандрит Иона с целью проверить, как обстоит дело с новоявленными мощами в Калязине. Его отчет был благоприятен для князя Юрия, и собравшийся церковный собор признает мощи Макария нетленными и чудотворными¹⁷. После того, как в июне 1523 г. было окончено строительство Троицкого собора, 9 октября в него торжественно перенесли мощи Макария Калязинского¹⁸. Так именно князь Юрий Дмитровский стал патроном первого русского «чудотворца».

13 марта 1523 г. умер «зять» великого князя (муж сестры его) царевич Петр, которого, очевидно, Василий III прочил в свои наследники. В связи с этим событием, вероятно, находились пересмотр завещания великого князя и составление к нему в июне 1523 г. особой «Записи»¹⁹. Снова вставал вопрос, кто же будет преемником московского государя. Князь Юрий Иванович Дмитровский, старший из братьев Василия Ивановича, снова мог рассчитывать на московский великокняжеский стол²⁰. Но отношения между этими братьями были крайне неприязненными. Это хорошо было известно и в Москве, и в Литве, что было небезопасно для московского государя. 18 марта 1523 г. русскому гонцу Ушаку Воропаеву поручалось сообщить в Литве, что никаких раздоров между державными братьями нет²¹. Но это официальное заявление никого не могло обмануть.

Необходимо было как-то развеять иллюзии у дмитровского князя и гарантировать продолжение дела, которому посвятил жизнь великий князь. А это могло произойти только в том случае, если у московского государя будет наследник. Уже давно стало ясно, что Соломония не может принести своему супругу ребенка, следовательно, великому князю нужно было развестись с нею и вступить в новый брак. Правда, развод по причине «неплодия» нарушал все церковные каноны. Но в московском государе на этот раз трезвый политик победил и верного сына русской церкви, и любящего супруга.

Еще до осени 1523 г. Василию III «бысть кручина о своей великой княгине»²². Где-то в начале февраля 1523 г. в Москве предполагали собрать церковный собор, который должен был разбирать вместе с великим князем «великие дела духовные и церковные»²³. Состоялись ли его заседания или нет, остается неясным.

Ввиду сложности обстановки, отправляясь в летнюю поездку по городам (в июле 1523 г.), Василий III взял с собой своих братьев; возвратившись в Москву (15 сентября)²⁴, он разослал их «по уделам».

Осенью, после этой поездки, Василий III «начат думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи, что неплодна бысть». По свидетельству Псковской летописи, великий князь говорил боярам: «Кому по мне царьствовати на Руской земли и во всех градах моих и в приделех: брати ли дам, ино братья своих уделов не умеють устраивати». Тогда бояре дали совет разойтись с Соломонией и вступить в новый брак: «... неплодную смоковницу посекають и измеццуть из винограда»²⁵. Весь рассказ носит промосковский, официозный характер. Сам Василий III

¹⁷ ГБЛ, Унд. № 310, лл. 13—13 об.

¹⁸ ПСРЛ, т. 22, стр. 519.

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 100, стр. 415.

²⁰ К 1523 г. у Василия III в живых оставался еще только младший брат Андрей, всецело послушный его воле (князь Семен умер в 1518 г., а князь Дмитрий — в 1521 г.).

²¹ Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, стр. 666. Князь Юрий был на Москве, «да поехал к себе».

²² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941 (далее — ПЛ), стр. 102.

²³ АЮ, № 360, стр. 385.

²⁴ ПСРЛ, т. 24, стр. 222.

²⁵ ПЛ, вып. 1, стр. 102—103.

рисуеться здесь не как инициатор развода, а как лицо, вынужденное пойти на эту меру под влиянием бояр.

Однако в 1523 г. дело не было доведено до конца. Вероятно, возражения в придворной среде против развода все же звучали. Позднее Курбский писал: «возбраниащу ему (Василию III. — А. З.) сего беззакония многим святым и преподобным не токмо мнихом, но и сикклитом его»²⁶.

Положение Максима Грека при дворе становилось критическим. Дело в том, что его ближайший сподвижник Вассиан Патрикеев (а возможно, и сам Максим) выступал против развода Василия²⁷. В 1522 г. был отстранен от управления близкий к Максиму казначей Юрий Дмитриевич Грек Траханиот, который осмелился поддержать одну из просьб посла султана Скиндера (о лекаре Марке)²⁸.

Выступление против развода Василия III имело, кроме догматического, еще чисто политическое значение. Оно фактически означало поддержку династических притязаний Юрия Дмитровского. Если на внутрицерковные споры Василий III смотрел довольно безучастно, то вмешательства церковников в свои политические планы он не допускал. Но в 1523 г. вопрос о разводе не был еще окончательно решен.

Летний поход 1523 г. к Казани не дал существенных результатов. Все же был основан город Васильсурск, опорная крепость на пути к Казани²⁹. Это давало основание для надежды на успешное завершение войны с Казанью в дальнейшем. Как и в случае со Смоленском, великий князь твердо решил довести дело до победного конца. Несмотря на то, что в мае 1524 г. великий князь получил от Саадат-Гирея письмо, в котором тот обуславливал свою дружбу с Россией отказом последней от войны с Казанью³⁰, в том же месяце Василий III начал новый Казанский поход. Позиция Крыма заставила великого князя воздержаться от личного участия в военных действиях: приходилось опасаться неожиданностей на юге. На Казань отправлена была рать князя И. Ф. Бельского. Однако и на этот раз поход окончился неудачей³¹. Раздражение у великого князя своим окружением нарастало. А тут еще летом из Порты прибыл долгожданный посол, но им снова оказался не «великий» или «ближний» человек, а все тот же плутоватый грек Скиндер с его торговыми делами, а не с миссией о союзе.

Василий III был настолько раздосадован, что когда в сентябре решил отпустить Скиндера обратно в Порту, то вместе с ним не послал больше своей миссии: «с им своего доброго человека послати не пригоже того дея, что салтан большего посла не прислал»³². Но слишком много значил в дипломатических планах Василия III турецкий вопрос, чтобы великий князь пошел на открытый разрыв с Сулейманом. Поэтому со Скиндером отправлено было султану новое послание с повторной просьбой прислать «большого посла» и начать переговоры о реальном союзе³³.

Через некоторое время после этого из Кафы стали поступать сведения, что Скиндер «великого князя людем . . . великую соромоту чинил». Вероятно, грек не делал секрета из того, как его приняли при московском дворе. Тогда 4 июня 1525 г. с казаком Кудояром Кадашевым султану была послана новая грамота (от 2 июня). Целью ее было предотвратить «злые козни» Скиндера, который мог «непригожие речи султану или пашам говорить»³⁴.

²⁶ РИБ, т. 31. СПб., 1914, стб. 163.

²⁷ Там же.

²⁸ Герберштейн, стр. 65.

²⁹ ПСРЛ, т. 8, стр. 270.

³⁰ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, лл. 52 об., 54 об.

³¹ ПСРЛ, т. 8, стр. 270—271. Казанская история. М.—Л., 1954, стр. 67—68; Герберштейн, стр. 153—157.

³² Дунаев стр. 75.

³³ Там же, стр. 78—79.

³⁴ Там же, стр. 80.

Так постепенно складывалась и крепла у Василия III мысль, что в неудаче его попыток наладить союз с турецким султаном виноват злокозненный грек Скиндер, а следовательно, и его приятели, к числу которых относился и Максим Грек. Недаром последний все время развивал идею о необходимости освободить греков от турецкого ига!

Вскоре после отъезда Скиндера (сентябрь 1524 г.), где-то около начала декабря 1524 г., «поймали» Максима Грека. Затем попали в заключение сын боярский И. Н. Берсень Беклемишев и другие лица³⁵. Судя по тому, что Максим позднее стремился всячески представить в черных красках деятельность Берсеня, последний, очевидно, был втянут в процесс благодаря показаниям Максима.

До нас дошли два противня (списка) с расспросных речей по этому делу, датирующемуся февралем 1525 г.³⁶ Оба текста подверг скрупулезному источниковедческому анализу С. Н. Чернов³⁷.

Прежде всего несколько слов о тех, кого коснулось судебное разбирательство.

Отец И. Н. Берсеня Беклемишева — Никита Васильевич Беклемишев происходил из видной служилой фамилии. Он входил в состав наиболее доверенных лиц великого князя Ивана III, хотя до думного чина так и не дослужился. Еще в 1471 г. он был послан «в Поле», чтобы склонить на сторону великого князя татарского царевича Муртозу Мустофина сына³⁸. В 1472 г. он был воеводой в Алексине³⁹. С этим поручением он удачно справился. В 1473 г., когда Иван III «поймал» грека Ивана Тревиана, он был посажен на двор к Никите Беклемишеву⁴⁰. В марте—ноябре 1474 г. Н. В. Беклемишев ездил в Крым с миссией к Менгли-Гирею⁴¹. В ноябре 1475 г. он, будучи сыном боярским, сопровождал Ивана III в его новгородском походе⁴².

Уже около 1472—1473 гг. Н. В. Беклемишев владел землями в Юрьевском уезде. В 1462—1473 гг. он был развездчиком земель и вел разбирательство поземельных споров⁴³. В 1475/76 г. Н. В. Беклемишев среди других «бояр» присутствовал на докладе у великого князя⁴⁴. В 1484—1488 гг. ему докладывались мировые грамоты по земельным вопросам⁴⁵. Один из братьев Никиты — Александр в 1420 г. был наместником, возможно, в Москве⁴⁶. Второй брат Никиты — Семен, держатель села Почапа Малоярославского уезда у Троицкого монастыря⁴⁷. Третий брат — Михаил был вотчинником в Дмитровском уезде⁴⁸. Будучи землевладельцами Дмитровского уезда, некоторые Беклемишевы были связаны с двором князя Юрия Ивановича. Так, двоюродный брат Берсеня — Иван Шадра Александров Беклемишев в 1520 г. был волостелем Жабенской волости Кашинского уезда князя Юрия⁴⁹, а в 1518 г. присутствовал на докладе

³⁵ Берсень на следствии говорил: «угонил меня, господине, Федко Жареной неделю против Николы, а Максима уж изымали» (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 144). «Против (около) Николы», т. е. около 6 декабря.

³⁶ ЦГАДА, ф. 52 (без номера). Изданы дважды: а) Сборник князя Оболенского, № 3. М., 1838 (оба текста); б) ААЭ, т. 1, № 172 (один текст с вариантами по другому).

³⁷ С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — «Сборник статей к сорокалетию деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474.

³⁸ ПСРЛ, т. 28, стр. 128.

³⁹ Там же, стр. 133.

⁴⁰ Там же, стр. 135.

⁴¹ Там же, стр. 137—138; Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, стр. 1—13.

⁴² ПСРЛ, т. 13, стр. 174. В разрядах он назван ошибочно дьяком: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РР), стр. 17.

⁴³ АСЭИ, т. I, № 326, 413.

⁴⁴ АСЭИ, т. II, № 229, стр. 151.

⁴⁵ АСЭИ, т. I, № 510; ср. 1485—1490 гг. (там же, № 523).

⁴⁶ РИБ, т. XVII, № 315, 346, 351, 353; АСЭИ, т. III, № 418, 419, 421, 422.

⁴⁷ АСЭИ, т. I, № 326.

⁴⁸ АФВХ, ч. 1, № 81, стр. 83 (1473—1489 гг.).

⁴⁹ ГБЛ, Троицк., кн. 527, № 93.

поземельного спора у боярина князя Юрия⁵⁰. Дети его в середине XVI в. служили по Дмитрову⁵¹.

Биография самого Берсеня также небезынтересна. Около 1489 г. умер его отец, и Берсень передал его землю Юрьевского уезда в митрополичий дом⁵². С митрополичьим окружением Берсень сохранил связи на всю жизнь. Одним из ближайших друзей Берсеня был митрополичий «крестовый» дьяк Федор Жареный.

Служебная карьера Берсеня при дворе началась еще в июле 1490 г., когда он присутствовал в качестве пристава на приеме имперского посла Юрия Делатора⁵³. В 1492 г. он должен был отправиться с посольством к великому князю Литовскому Казимиру, но оно не состоялось⁵⁴. В 1492—1494 гг. Берсень примыкал к окружению князя Семена Ряполовского и князей Патрикеевых, поддерживавших Дмитрия-внука и являвшихся сторонниками мирного урегулирования отношений с Литвой. Затем на протяжении 15 лет о нем нет почти никаких сведений. Известно только, что в 1495 г. он ездил с Иваном III и его окружением в Новгород⁵⁵, а в 1502—1503 гг. дважды неудачно посылался с миссией в Крым⁵⁶, куда он так и не смог попасть из-за нападения кочевников в «Поле».

Сведения о Берсене снова появляются уже после приближения к Василию III Вассиана Патрикеева, друга Максима Грека, близкого также и к Берсеню. В 1510 г. И. Н. Берсень Беклемишев опять встречается в качестве пристава при приеме литовских послов⁵⁷. За истекшие годы, следовательно, Берсень по лестнице чинов не продвинулся. Это, конечно, способствовало росту у него оппозиционных настроений. Времена Ивана III, когда его отец был в зените славы и перед самим Берсением открывались широкие перспективы, рисовались теперь уже пожилому придворному в самом радужном свете, а времена Василия III — в темных тонах. Судя по словам Максима Грека, он говаривал: «добр деи был отец великого князя . . . и до людей ласков . . . а нынешний государь не по тому, людей мало жалует»⁵⁸.

Уже в период Смоленских походов Берсень говорил «встречу» великому князю «о Смоленську». Содержание этой «встречи» не вполне ясно. Возможно, речь шла о стремлении Берсеня к устройению мира с Литвой. С тех пор московский государь особенно невзлюбил упрямого старика. Впрочем, в 1514 г. Берсень еще присутствует на приеме турецкого посла⁵⁹. В последний раз при дворе Иван Никитич появляется в августе 1517 г. на приеме литовского посольства⁶⁰. Затем он попадает в опалу⁶¹, и у него отбирается «подворье» в Кремле⁶². Возможно, оно находилось возле башни, которая получила название «Беклемишевская».

Вторым из лиц, пострадавших в 1525 г., был Петр Муха Карпов. О нем нам известно очень мало. Петр Муха Федорович Карпов — двоюродный брат известного дипломата Федора Ивановича Карпова, знатока

⁵⁰ С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912, № 149, стр. 46.

⁵¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.—Л., 1950, стр. 130.

⁵² АФЗХ, ч. 1, № 153, стр. 134.

⁵³ «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными», т. 1. СПб., 1851, стб. 26, 69.

⁵⁴ Сб. РИО, т. 35, стр. 60—68.

⁵⁵ РК, стр. 26.

⁵⁶ Сб. РИО, т. 41, стр. 434—443, 455—465, 516, 537.

⁵⁷ Сб. РИО, т. 35, стр. 495.

⁵⁸ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142.

⁵⁹ Сб. РИО, т. 95, стр. 96.

⁶⁰ Сб. РИО, т. 35, стр. 511.

⁶¹ В феврале 1525 г. Максим Грек говорил: «пришел, господине, ко мне Берсень, как был в опали, а тому с год нет» (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141).

⁶² Где-то около 1523 г. во время Нижегородского похода Василия III сын Берсеня был оставлен в Нижнем (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142).

восточных дел и видного гуманиста, друга Максима Грека⁶³. Сын Мухи — Василий в середине XVI в. числился сыном боярским по Костроме⁶⁴. Племянники Петра Мухи — Федор и Афанасий Андреевич в середине XVI в. служили по Кашину, причем первый из них в Тысячной книге 1550 г. назван в рубрике «князь Юрьевские»⁶⁵. Следовательно, некоторые из Карповых, как и Беклемишевы, были связаны с князем Юрием.

К делу Берсеня—Максима Грека привлечены были также «крестовый» дьяк Федор Жареный (возможно, недовольный и деятельностью нового митрополита Даниила) и спасский архимандрит Савва Грек.

Кроме этих лиц, несколько человек были «советны» с Берсенем и приходили к нему и Максиму для разговоров по волновавшим всех их вопросам. Судя по следственному делу, келейник Максима — Афанасий говорил, что «прихожи были к Максиму Иван Берсень, князь Иван Токмак, Василий Михайлов сын Тучков, Иван Данилов сын Сабурова, князь Андрей Холмской, Юшко Тютин». При этом они «говаривали с Максимом книгами и спирались меж себя о книжном»⁶⁶.

Среди них был Иван Васильевич Токмак, происходивший из князей Звенигородских⁶⁷. Его дети в середине XVI в. служили детьми боярскими сначала по Коломне, затем по «княж Юрьевскому» Кашину⁶⁸. Отец князя Ивана — Василий Иванович Ноздреватый некоторое время был окольным при Василии III (последний раз упоминается под 1509 г.)⁶⁹. Звенигород входил в удел князя Юрия Ивановича.

Второй из «советников» Берсеня — Василий Михайлович Тучков. Это фигура достаточно известная. Он был сыном окольного М. В. Тучкова (из рода Морозовых). В 1511—1515 гг. М. В. Тучков — крымский посол, с 1533 г. — боярин, умер около 1550 г.⁷⁰ В 1516 г. Михаил Васильевич и оружничий Никита Карпов ездили с миссией в Казань⁷¹. Его сын Василий в это время был, очевидно, еще молодым человеком. Выдвинулся он позднее, когда с 1541 по 1545 г. был рязанским дворецким⁷². Умер в 1548 г. По поручению митрополита Макария в 1537 г. составил особую редакцию Жития Михаила Клопского⁷³. Он принадлежал к непосредственному окружению Максима Грека. В 1545 г. по его распоряжению была переписана одна из рукописей Грека⁷⁴.

Третье лицо из близких к Максиму и Берсеню — Иван Данилович Сабуров, двоюродный брат Соломонии. Он служил по Новгороду⁷⁵. Еще в 1522 г. на сравнительно видных местах находились окольным Андрей Васильевич (двоюродный брат отца Соломонии), его сын Михаил (рында) и брат Соломонии — Иван Юрьевич (рында, возможно, кравчий). Все они вместе с ближайшим окружением Василия III отправились летом

⁶³ Родословная книга, ч. II. М., 1787, стр. 211—212. О Ф. И. Карпове см.: А. А. Зимин. Общественно-политические взгляды Федора Карпова. — ТОДРЛ, т. 12, 1956, стр. 160—173; Н. В. Синицына. Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

⁶⁴ Тысячная книга, стр. 148.

⁶⁵ Там же, стр. 68, 134.

⁶⁶ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

⁶⁷ В разрядах упоминается под 1538 г. (РК, стр. 94).

⁶⁸ Тысячная книга, стр. 158, 161. Сын Ивана Токмака — Юрий, один из воевод в 1558—1576 гг., был человеком образованным и составил повесть о Выдропусской иконе («Памятники старинной русской литературы», вып. 4. СПб., 1862, стр. 180—183).

⁶⁹ РК, стр. 44. Ездил в посольство в «Ногаи» в 1508 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 11—12).

⁷⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 252—257.

⁷¹ Там же, стр. 258.

⁷² А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений в XV—XVI вв. — «Исторические записки», 63, 1958, стр. 193.

⁷³ «Повести о житии Михаила Клопского». М.—Л., 1958, стр. 7 сл.

⁷⁴ В. С. Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 576.

⁷⁵ Родословная книга, ч. 1, стр. 245.

1522 г. в Коломну в связи с предполагавшимся походом Мухаммед-Гирея ⁷⁶. Этот год был началом конца карьеры Сабуровых. Андрей Васильевич исчезает из разрядов почти на десять лет и появляется с чином боярина в конце 1531 г., т. е. после рождения у Василия III наследника ⁷⁷. Только один из Сабуровых в 20-х годах сохранил ненадолго свое положение, да и то потому, что находился вдали от великокняжеского двора, — это дядя Соломонии — Иван Константинович Сабуров, новгородский дворецкий в 1517—1525 гг. ⁷⁸ Близость И. Д. Сабурова к кружку Берсеня объясняется, конечно, тем, что Василий III, собираясь вступить во второй брак, отстранил от себя родичей Соломонии.

Следующим из окружения Берсеня и Максима был князь Андрей Иванович Холмский. Вероятно, он также был молодым человеком ⁷⁹. Его троюродным братом был известный князь В. Д. Холмский, женатый на сестре Василия III и «пойманный» в ноябре 1508 г. ⁸⁰ Князь Андрей в 1527 г. подписал одним из поручителей грамоту по князе М. Л. Глинском ⁸¹. После опалы князя Василия Холмские были отстранены от сколько-нибудь видной придворной деятельности.

Наконец, Юшка Тютин — отец известного казначея середины XVI в., «грецка роду» ⁸². Тютин, следовательно, происходил из той же среды близких к государевой казне греков, из которой вышел и грек Юрий Траханиот, попавший в опалу около 1522 г. ⁸³

В одном ящике Царского архива с материалами дела И. Берсеня и Максима Грека хранились «списки Петра Карпова-Мухина и Некраса Харламова и Якова Дмитриева» ⁸⁴. Опала этих лиц также связана с делом Берсеня. Дьяк Иван Некрас Владимиров сын Харламов был видным деятелем дьяческого аппарата в 1510—1522 гг. Последний раз в источниках он упомянут осенью 1523 г. во время приема литовских послов ⁸⁵. Яков Дмитриев сын Давыдов в 1512—1515 гг. упоминается в разрядах как военачальник князя Дмитрия Углицкого ⁸⁶. Его сын Григорий в середине XVI в. служил как дворовый сын боярский по Угличу ⁸⁷.

Вторым браком Василия III были недовольны многие из «мирских сигклитов», т. е. знати ⁸⁸. Среди них был и князь Семен Федорович Курбский, видный полководец. Его великий князь «от очей отогнал, даже до смерти его» ⁸⁹. В неудачном Казанском походе 1524 г. князь Семен возглавлял передовой полк в судовой рати; затем он исчезает в разрядах и появляется единственный раз в 1528 г., когда он находился в Нижнем Новгороде ⁹⁰. Он был жив, очевидно, еще в 1547/48 г. ⁹¹ Курбские были связаны с удельными князьями. Двоюродный брат князя Семена — Андрей Дмитриевич женился на дочери князя Андрея Васильевича Углицкого ⁹². Брат Андрея Дмитриевича — Михаил Карамыш (дед Андрея Курбского), по словам

⁷⁶ РК, стр. 68—69.

⁷⁷ РК, стр. 80.

⁷⁸ А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений, стр. 189. Последний раз упоминается в 1525 г. (РИБ, т. XV, № 16. 24).

⁷⁹ В разрядах упоминается с 1535 г. (РК, стр. 88). Его сын Петр в середине XVI в. — дворовый сын боярский по Можайску (Тысячная книга, стр. 184).

⁸⁰ ПСРЛ, т. 8, стр. 250.

⁸¹ СГГД, ч. 1, № 155, стр. 428—429.

⁸² РИБ, т. 31, стб. 297.

⁸³ В Царском архиве хранились материалы «о людех Юрья Малова» (Описи Царского архива, стр. 20, ящик 26).

⁸⁴ Там же, стр. 20, ящик 27.

⁸⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 673.

⁸⁶ РК, стр. 25, 39, 45, 47, 56.

⁸⁷ Тысячная книга, стр. 205.

⁸⁸ РИБ, т. 31, стб. 163.

⁸⁹ Там же, стб. 163—165.

⁹⁰ РК, стр. 69, 71.

⁹¹ АФЗХ, ч. II, № 200, стр. 201.

⁹² Родословная книга, ч. 1, стр. 121.

Грозного, «умышлял» с Андреем Углицким на Ивана III⁹³. Племянник князя Семена — Андрей Михайлович Курбский давал резкую характеристику и Софье Палеолог, и самому Василию. Себя он считал учеником Максима Грека. Мать князя Андрея была сестрой В. М. Тучкова⁹⁴. Также по словам Грозного, отец Андрея «многи пагуба и смерти умышлял» вместе с Дмитрием-внуком на Василия III⁹⁵.

В 1523 г. в последний раз в разрядах упомянут Михаил Андреевич Плещеев⁹⁶. Из более поздних известий мы знаем, что он попал в немилость⁹⁷. Причины опалы М. А. Плещеева в общем ясны — это его связи с оппозиционными кругами. Дядя его Петр Михайлович служил боярином князя Юрию Ивановичу⁹⁸. При дворе дмитровского князя находился и его дальний родственник Василий Рычко Помяс Плещеев (сын Воропая Петрова)⁹⁹. В середине XVI в. по Кашину служили Василий Семенович Плещеев с детьми Андреем и Замятней¹⁰⁰, тогда же по Дмитрову числились Нечай и Чобот Никитичи Плещеевы¹⁰¹. Двоюродному брату Никиты Павлиновича — Ивану Васильевичу Плещееву в мае 1526 г. князь Юрий Дмитровский выдал жалованную грамоту¹⁰².

С другой стороны, Плещеевы были близки к Кирилло-Белозерскому монастырю, поддерживавшему нестяжателей. Если дядя Михаила Плещеева — Венямин постригся в Троице, то родной брат Афанасий «был в чернцах в Кирилове монастыре»¹⁰³. Возможно, это пострижение было и недобровольным. Во всяком случае, один двоюродный брат Михаила, Иван Юрьевич, «побежал в Литву», а другого, Василия, «постриг . . . князь великий в Кирилове монастыре в опале»¹⁰⁴. Несколько Плещеевых служили митрополитам, причем один из них (Богдан Федорович) — Варлааму¹⁰⁵.

Таким образом, опалу М. А. Плещеева с большой долей вероятности можно связать с событиями 1525 г.

Итак, в деле И. Н. Берсеня Беклемишева и Максима Грека явственно обнаруживаются две группы лиц. С одной стороны, это люди, имевшие связь с окружением Юрия Дмитровского и Дмитрия Углицкого (И. Н. Берсень, П. Муха Карпов, Я. Давыдов, возможно, М. А. Плещеев), с другой — нестяжательская часть духовенства (Максим Грек). Выступая из канонических соображений против предполагавшегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского¹⁰⁶ на московский престол¹⁰⁷.

⁹³ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 29.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Родословная книга, ч. 1, стр. 299.

⁹⁷ ПСРЛ, т. 28, стр. 159.

⁹⁸ ГПБ, Эрмитаж, № 390, л. 81 об.

⁹⁹ Родословная книга, ч. 1, стр. 288.

¹⁰⁰ Тысячная книга, стр. 134.

¹⁰¹ Тысячная книга, стр. 130. По родословцу, у Никиты (служившего князю Юрию) были дети — Петр и Иван (Родословная книга, ч. 1, стр. 301). Речь, очевидно, идет об одних и тех же лицах.

¹⁰² ГКЭ, Звенигород, № 9/4683.

¹⁰³ Родословная книга, ч. 1, стр. 299.

¹⁰⁴ Там же, стр. 300.

¹⁰⁵ Там же, стр. 277.

¹⁰⁶ О связях Максима Грека с князем Юрием у нас сведений нет. Но вот князю Дмитрию Ивановичу в 1521 г. он подарил один экземпляр переведенной им Толковой псалтыри (семь экземпляров получил Василий III). См.: Ю. К. Бегунов. Собрание рукописных материалов XV — начала XIX в. А. П. Гранкова. — «Исторический архив», 1962, № 6, стр. 191.

¹⁰⁷ Основные положения статьи были доложены автором 18 октября 1968 г. на заседании группы феодализма Ленинградского отделения Института истории АН СССР. С ними был знаком В. Д. Назаров, который позднее писал: «. . . за участниками процесса Максима Грека и Берсеня Беклемишева вырисовывалась и фигура родного брата Василия III, дмитровско-кашинского удельного князя Юрия, следующего по стар-

О том, что Максим Грек и его окружение выступали против второго брака Василия III, свидетельствует «Выпись о втором браке», основанная на вполне доброкачественных источниках. В ней мотивируется осуждение Максима и его сподвижников «того ради, чтобы изложения и обличения от них не было про совокупление брака»¹⁰⁸, т. е. чтобы они впредь не выступали против второго брака великого князя. Конечно, это было не официальное обвинение, а лишь причина гнева великого князя.

О сходстве позиции Вассиана и Максима Грека можно судить не только по «Выписи», но и по рассказу Андрея Курбского¹⁰⁹. Н. А. Казакова считает оба рассказа недостоверными, ибо, по ее наблюдениям, Вассиан после 1525 г. еще в течение ряда лет пользовался влиянием при великокняжеском дворе¹¹⁰. Но этот довод не может считаться убедительным. Ведь и Сильвестр в 1553 г. выступал на заседании Боярской думы против Ивана IV (по вопросу о наследнике престола), однако осужден он был значительно позднее, в 1560 г. В отличие от Максима Грека, Вассиан не был противником внешнеполитической программы Василия III.

Взгляды Максима Грека в какой-то мере разделяли некоторые представители придворного окружения Василия III. Это не были выразители интересов «реакционного боярства», в число которых, кстати, охотно и бездоказательно заносят и самого Максима. Среди них мы находим лиц, по тем или иным причинам недовольных политикой московского государя, и тех, кто в кружке Максима стремился приобрести философские, литературные и другие знания, тяга к которым была в то время велика. Никаких преступлений даже с точки зрения юрисдикции XVI в. эти лица не совершили и в число обвиняемых не были включены.

Главным свидетелем обвинения по делу Берсеня стал Максим Грек, пытавшийся тем самым облегчить свою участь¹¹¹. Максим Грек, вероятно, надеялся, что он, как иностранец, обладает известным иммунитетом, который он решил подкрепить еще доносом на И. Н. Берсеня и тем самым вызвать признательность со стороны властей. Но он не знал, что гнев Василия III (и тем более митрополита Даниила) направлен был прежде всего по его адресу, а Берсень оказался втянут в судебное разбирательство как бы между делом. Игра Максима Грека была проиграна еще до того, как она началась.

шинству сына Ивана III. Именно при его дворе служило большинство ближайших родственников Берсеня Беклемишева. Бездетный брак Василия III сулил князю Юрию радужные перспективы на занятие престола после смерти брата. Вполне понятно, что намечавшийся развод московского государя не соответствовал его интересам» (В. Д. Назаров. Тайна челобитной Ивана Воротынского. — ВИ, 1969, № 1, стр. 214). На этот тезис В. Д. Назарова ссылается Н. А. Казакова, когда пишет: «Сочувствие Берсеня удельным князьям, быть может, было обусловлено в какой-то степени его родственными связями: большинство ближайших родственников Берсеня Беклемишева служило при дворе удельного дмитровско-кашинского князя Юрия Ивановича» (Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970 (далее Н. А. Казакова. Очерки), стр. 225).

¹⁰⁸ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения, стр. IX.

¹⁰⁹ РИБ, т. 31, стб. 163.

¹¹⁰ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 70—72; *её же*. Очерки, стр. 117—120. Из того факта, что «Выпись» имела «определенную политическую окраску», не следует, что она измыслила противодействие Вассиана браку Василия III. Ведь и сама Н. А. Казакова присоединяется к выводам М. Н. Тихомирова и С. О. Шмидта о том, что памятник в своем «прототексте» следует датировать 40-ми годами XVI в., т. е. тем временем, когда о событиях 1525 г. помнили еще хорошо. Но Н. А. Казакова идет дальше и считает, что «версия об осуждении Вассиана за его противодействие второму браку Василия III, созданная в оппозиционных Ивану IV кругах с целью его дискредитации, была распространена на Максима Грека» (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 182).

¹¹¹ О его трансформации в доминиканца, а затем в православного монаха см.: E. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943.

Еще в начале декабря 1524 г., когда Максим был «поиман», Федька Жареный говорил Берсеню: «Велят мне Максима клепати»; якобы сам великий князь присылал к нему троцкого игумена со словами: «Только мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую»¹¹².

На следствии в феврале 1525 г. Максим Грек показал, что И. Н. Берсень вел с ним сомнительные разговоры о турецких «парях бесерменских». Очевидно, именно турецкая тема волновала прежде всего инициаторов процесса. Берсень спрашивал у Максима: «как вы от них проживаете?» Ведь турки — гонители православных, и, следовательно, для греков настали «лютые времена». Максим Грек отвечал, что «цари у нас злочестьивые, а у патриархов и митрополитов в их суд не вступаются». Ответ был менее чем удачен. Получалось, что Максим не только хвалил «бусурманов», но и хулил русские порядки, при которых, как известно, великий князь не только вмешивался в церковные дела, но даже организовал суд над самим Максимом.

Итак, первый пункт расспроса касался Турции. И приговор по делу Максима Грека и Саввы особенно подчеркивал измену обоих греков, которые «посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше турецкому, а велели ему итти воевати украин великого князя»¹¹³. Эта запись сохранилась в летописце Пафнутьева монастыря и вышла, по-видимому, из канцелярии митрополита Даниила¹¹⁴. На процессе Максима Даниил говорил, обращаясь к обоим грекам: «вы же ведали Искандеря Турского посла советы и похвалы, что хотел подымати Турскаго царя на государя . . . вы с Савою вместо благих посылали грамоты к турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на . . . великого князя»¹¹⁵. У Саввы, действительно, хранились «грамоты греческие посольныя»¹¹⁶, но что они представляли собою, никому не известно.

Все эти тексты И. И. Смирнов и И. Б. Греков трактовали как свидетельство о том, что Максим Грек действительно был турецким агентом¹¹⁷. Подобная точка зрения вызвала решительные возражения И. У. Будовница, Г. Д. Бурдея, Н. А. Казаковой и др.¹¹⁸ Прежде всего Максим Грек уже на следствии сказал по вопросу о Турции, что «инех (кроме приведенных выше. — А. З.) речей с ним (Берсенем. — А. З.) не говорил», да и позднее он считал себя ни в чем не повинным. Грек Скиндер вызывал к себе резкую неприязнь Василия III, который думал, что тот препятствует турецко-русскому сближению. Этому же, по мысли Василия III, содействовал и Максим Грек, «подымавший» султана на Русь. Ведь греки кровно были заинтересованы в помощи России в их борьбе с турецким игом. Максиму вменялось в вину и то, что он не сообщил о злокозненных планах Скиндера, и сомнительные разговоры такого типа: «Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором, турскому ему не молчати . . . Быти на той земле Рустей салтану турскому, зане же салтан не любит сродников царегородских». Вероятно, Максим говорил, что если Василий III не пойдет войной на Порту, а ограничится борьбой за Казань, то турецкий султан сам может завоевать Россию. Максим также якобы говорил: «князь

¹¹² ААЭ, т. 1, № 172, стр. 142.

¹¹³ Тихомиров, стр. 112.

¹¹⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», сб. VI. М., 1958, стр. 248.

¹¹⁵ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 4—5.

¹¹⁶ Описи Царского архива, стр. 25, ларчик № 61.

¹¹⁷ И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. — ВИ, 1946, № 2—3, стр. 118—126; И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, стр. 273—288.

¹¹⁸ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—143; Г. Д. Бурдей. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XV вв. — В сб.: «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966, стр. 202—204; Н. А. Казакова. Очерки, стр. 22—24; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 419.

великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал. От турецкого ему как не бежати? Пойдет Турской, и ему либо Казань дати или бежати»¹¹⁹. Трудно сказать, что в этих словах соответствовало действительности, а что являлось оговором. Скорее всего Максим с горечью говорил о бегстве Василия III от Мухаммед-Гирея в 1521 г. и боялся возможности повторения этого в случае войны с Турцией. Так или иначе, но Максим Грек признался, что он говорил келейнику Афанасию: «Быти на той земле Руской турецкому салтану, занеже салтан не любит от роду царегородских царей». Эти слова якобы сказаны были им «бережения для, чтобы великий князь от него (султана. — А. З.) берегся»¹²⁰.

Как известно, на турок всячески натравливали Василия III папа и император, но московский государь не давал себя втянуть в какую-либо антитурецкую авантюру. В обстановке крымской активности союз с Портой был жизненно необходим России. Василий III готов был не обращать внимания на церковные разномыслия Максима с митрополитом, но его самостоятельная линия поведения в вопросах внешней или внутренней (вопрос о втором браке) политики привела к тому, что великий князь решил отдать Грека в руки клерикального и светского правосудия.

Крымско-турецкий вопрос теснейшим образом переплетался с династическим. Опасность со стороны Крыма увеличивалась еще и тем, что князь Юрий подозревался в сношениях с татарами. Надо иметь в виду, что прилегавший к его владениям Сурожик находился в распоряжении татарских царевичей. Некоторое время после смерти Менгли-Гирея владел князь Юрьевским Звенигородом Абдул-Летиф (до своей смерти в ноябре 1518 г.)¹²¹. В Звенигороде еще в 1504 г. была Дмитриевская слободка, «что за татары»¹²², много «численных земель и ордынских» (как, впрочем, и в Рузе)¹²³. Позднее, в начале 1532 г., в Литве распространялись слухи, что князь Юрий находился в контакте с «Заволской ордой»¹²⁴. И для этого, возможно, были некоторые основания. Один из воевод князя Юрия — Василий Иванович Шадрин с осени 1516 по весну 1518 г. находился в крымском плену. Но в это время он сумел приблизиться к ханскому двору и был как бы неофициальным русским представителем в Крыму¹²⁵. Конечно, вряд ли при этом он забывал и князя Юрия.

Но вернемся к февральскому следствию 1525 г. После Максима Грека показания давал его келейник Афанасий. Именно он сообщил имена тех, кто «приходили были к Максиму», Он же выделил из их среды Берсеня, ибо только «коли к нему придет Берсень и он нас вышлет тогда всех вон, а с Берсением сидят долго один на один». Это показание также ухудшало положение Берсеня и фактически оправдывало всех остальных, которые просто «спиралися меж себя о книжном»¹²⁶.

После этого лица, ведшие следствие, снова обратились к Максиму Греку с вопросом о том, что же являлось темой его разговоров с Берсением. Максим оказался многоречив. Примерно год тому назад, когда Берсень был в опале, он, по словам Максима, приходил к нему. Грек спросил его: «был ли еси сего дни у митрополита?». Очевидно, Максим считал, что Берсень должен был побывать у Даниила, чтобы попросить его ходатайствовать за себя перед великим князем. На это Берсень с горечью сказал: «я того не ведаю, есть ли митрополит на Москве». Ведь от Даниила не дождешься никаких «учительных слов», да и «не печялуется ни о ком». Вместо печал-

¹¹⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Максим Грек признался, что «речи Саве про великого князя говорил» (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 219).

¹²⁰ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 222.

¹²¹ Описи Царского архива, стр. 28, ящик 105.

¹²² ДДГ, № 95, стр. 379, 380.

¹²³ Там же, стр. 382, 397, 400, 402.

¹²⁴ Акты Литовско-Русского государства, т. 1. М., 1900, стр. 240.

¹²⁵ Сб. РИО, т. 95, стр. 494—507.

¹²⁶ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

лования Даниил поступил, как клятвопреступник, давши «опасную» грамоту Шемячичу, который тем не менее был «пойман» в Москве. Берсень и самого Максима спрашивал: «какую пользу от тебя взяли?» Ведь «пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити».

Максим, не отрицая впрямую слов Берсеня, сказал только: «у вас, господине, книги и правила есть, можете устроитися». Но всякое превознесение деятельности Максима могло вызвать чувство негодования у московского государя. Когда у Максима спросили, к чему бы это вел подобные речи Берсень, он добавил к сказанному еще более крамольные слова своего приятеля: «добр деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков. . . а нынешней государь не по тому, людей мало жалует; а как пришли сюда греки, ино и земля наша замешалася; а дотоле земля наша Русскаа жила в тишине и миру». Во всем виновата Софья: как она пришла на Русь «с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас во Цареграде при ваших царех»¹²⁷.

Из этих слов видно, что Берсень был сторонник того курса, который осуществлялся при Иване III в кругу противников Софьи, т. е. в кругу Дмитрия-внука, Федора Курицына и других вольнодумцев. «Греки» были не только врагами Дмитрия-внука, но и русских реформаторов из его окружения. Берсень разделял программу мира с Литвой (как Патрикеевы и Ряполовский, заключившие в 1494 г. мир с Великим княжеством Литовским). О «нестроениях» в Царьграде много размышляли и сам Максим Грек, и позднее И. С. Пересветов. Наконец, выпячивая в рассказе Берсеня антигреческую тему, Максим Грек как бы стремился отделить себя от своего прежнего друга и представить себя вполне благонадежным человеком.

Максим Грек изложил и конкретные причины неудовольствия Берсеня внутренней политикой Василия III. Берсень печалился, что «ныне в людех правды нет»¹²⁸. Все это из-за того, что были нарушены старые обычаи: «которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменил; ино на нас которого добра чяяти?» Сам Берсень считал, что «лучше старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати». При этом он говорил: «Государь деи упрям и въстречи против себя не любит, кто ему въстречю говорит, и он на того опалается; а отец его князь велики против себя встречю любил и тех жаловал, которые против его говорили». Правда, на следствии Берсень утверждал, что он «тех речей не говаривал». Но в целом его «речи» звучат весьма правдоподобно¹²⁹.

Возмущался Берсень и тем, что «ныне деи государь наш запершыся сам третей у постели всякие дела делает». По его представлению (как позднее и по мысли Курбского), великий князь должен привлекать разумных советников, для того чтобы мудро править страной. Максиму Греку он говорил: «Ты человек разумный и можеш нас ползовати, и пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту устроитися».

Внешнеполитическая программа Берсеня была очень выразительна и определена: она заключалась в настойчивом призыве к миру с соседними державами. «Ныне, — говорил он, — отвсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недруги, а наше нестроенье»¹³⁰. Он, по словам Федьки Жареного, был крайне недоволен постройкой Васильурска, ибо это явится препятствием к миру

¹²⁷ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141—142.

¹²⁸ Там же, стр. 143.

¹²⁹ Там же, стр. 143—144.

¹³⁰ Там же, стр. 142.

с Казанью («поставил на их стороне лукно, ино как ся с ними (казанцами. — А. З.) помирить»). Если уж строить города, то на своей стороне, тогда и мир будет¹³¹. Из тех же соображений Берсень был недоволен присоединением Смоленска («как Смоленск жо город взял, а люди тамо, ино нелзе миру быти»). Правда, Берсень категорически отрицал, что он говорил Федьке речи «про город». Но и Максим передавал разговор с Берсением, из которого он узнал, что тот говорил «въстречю . . . о Смоленську», в результате чего взбешенный великий князь сказал: «пойди, смерд, прочь, не надобен ми еси». Прямым диссонансом мирной программы Берсения звучат его слова, якобы сказанные по случаю приезда турецкого посла Скиндера: «на что нам его (турецкого султана. — А. З.) дружба? Лутши было с ним не дружитися»¹³². Н. А. Казакова считает эту реплику не следствием принципиальной враждебности Берсения к Турции, «а скорее одним из проявлений раздражения против правительства и стремления осуждать все его действия»¹³³. Но в данном случае, может быть, покривил душой Максим Грек, передавая смысл своей беседы с Берсением. Обвиняя своего старого приятеля в недружелюбном отношении к Турции (как и в брани по адресу Василия III), Максим Грек мог просто надеяться, что ему удастся утопить Берсения, а самому выйти сухим из воды.

Все эти рассуждения Берсения в пересказе Максима Грека В. О. Ключевский рассматривал как «философию политического консерватизма». Берсень, по его мнению, «выражал взгляды современного ему оппозиционного боярства». Он был, таким образом, «оппозиционный консерватор»¹³⁴. Эта характеристика нуждается в существенных ограничениях. Начнем с того, что для первой трети XVI в. вряд ли можно говорить как об особом социальном явлении об оппозиционном консервативном боярстве. Водораздел в политических силах лежал не между дворянством и боярством, а между широкими кругами феодалов (включая боярство), поддерживавших объединительную политику великих князей, и сторонниками удельнокняжеского сепаратизма. Волею событий Берсень, принадлежавший в молодости к окружению Ивана III, оказался в стороне от победивших позднее сил, возглавленных Василием III. Он противопоставляет новым временам старые не потому, что ранее господствовала феодальная аристократия (да и сам он по происхождению не аристократ), а потому, что сам Берсень оказался выбитым из придворного окружения и был чужд задачам, которые ставил перед своими сподвижниками Василий III. Во взглядах Берсения призыв к «старине» не означал идеализации консерватизма. Ведь Федор Курицын для 20-х годов XVI в. также был «старинной».

Критика Берсением Софьи Палеолог вполне соответствовала ненависти к «царьградской принцессе» как Вассиана Патрикеева, пострадавшего именно из-за нее в 1499 г., так и всего окружения Дмитрия-внука и Федора Курицына. Берсень предстает перед нами запоздалым наследником политических идеалов сторонников Дмитрия-внука. В этом только и можно видеть следы его политического консерватизма. Таким же «консерватором» был и сам Вассиан Патрикеев, религиозно-философские представления которого перекликались не только с идеями Нила Сорского, но и с отдельными мыслями Федора Курицына.

Берсень не был столь упрямым ретроградом, каким рисует его В. О. Ключевский. Его взгляды прежде всего характеризуют напряжен-

¹³¹ «И поставити было город, ино было поставити на своей стороне, ино бы лзе и миру быти» (там же, стр. 144).

¹³² Там же, стр. 143.

¹³³ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 224.

¹³⁴ В. О. Ключевский. Сочинения, т. 2. М., 1957, стр. 162—164. Н. А. Казакова ранее также считала, что «Берсень был идеологом старины» (Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXIX, стр. 125). Позднее она сняла эту формулировку (Н. А. Казакова. Очерки, стр. 225).

ные раздумья о судьбах родины. Он входит в круг таких дальновзорких мыслителей, каким был и его коллега по дипломатической службе Федор Карпов. Берсень по ряду своих представлений перекликается с русскими реформаторами позднейшего времени, в частности с Пересветовым. Берсень первым в русской публицистике высказал смелую мысль, что «поганые» в своих деяниях могут осуществлять божью правду. Он говорил Максиму: «Хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть»¹³⁵. В этом можно увидеть продолжение мысли Курицына о Дракуле, нечестивом правителе, осуществившем справедливые реформы. Позднее турецкие порядки ставил в пример И. С. Пересветов, писавший: «неверный иноплеменник (Махмет-Салтан. — А. З.) да познал силу божию. . . турской царь»¹³⁶. Причины «нестроений» в Царьграде для Пересветова были еще в больше мере темой для раздумий, чем для Берсеня. Наконец, оба публициста говорили об отсутствии «правды» в Русской земле¹³⁷.

Интерес к политическим проблемам и философии, к понятию «правды», о которой размышлял и Федор Карпов, ставит Берсеня Беклемишева в один ряд с мыслителями, проникнутыми гуманистическими настроениями.

Наконец, возможно, на соборе 1525 г. Максим, как и Берсень, обвинялся в «хуле» на великого князя («великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым») ¹³⁸. Основываясь на показаниях Максима Грека о Берсене, данных им во время предварительного следствия, Н. А. Казакова считает, что между собеседниками «по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения». Если сам Максим «ни разу не вышел за рамки благонамеренности по отношению к правительству», то второй отрицательно относился «к политической линии правительства Василия III» ¹³⁹. Интимные беседы Максима и Берсеня, по ее мнению, «отнюдь не могут служить доказательством общности их политической платформы. Они являются свидетельством лишь личного расположения и хороших личных отношений обоих собеседников» ¹⁴⁰. Но ниже сама Н. А. Казакова признает, что взгляды «собеседников» совпадали по таким важным вопросам, как оценка позиции великого князя по турецкому вопросу или его отношение к церковному суду. Значит, беседы между Максимом и Берсением нельзя сводить только к личному расположению любителей поговорить «о жизни».

Но вопрос более существен. Н. А. Казакова фактически не учитывает специфики источника, который она положила в основу своих наблюдений. Ведь речь идет о следственных материалах. В своих показаниях Максим Грек старался представиться вполне лояльным человеком, стремясь всю вину за крамольные беседы возложить на Берсеня. Поэтому о «благонамеренности» Максима и его разногласиях в связи с этим с Берсением на основании следственных материалов говорить трудно. Найденные в Сибирском сборнике новые данные о судебном разбирательстве 1525 г. заставили Н. А. Казакову снять и тезис о «благонамеренности» и отрицание возможности резкого отзыва Максима о великом князе ¹⁴¹.

Впрочем, и в последней работе Н. А. Казакова продолжает утверждать, что «в правдивости (в целом, а не в частностях, конечно) передачи

¹³⁵ ААЭ, т. 1, № 172, стр. 141.

¹³⁶ Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 180.

¹³⁷ Ср. у Пересветова: «Вера, государь, христианская добра. . . а правды нет» (там же, стр. 176).

¹³⁸ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Возможно, речь идет об отношении Максима к казням еретиков, которые проводились в 1504 г. иосифлянами с санкции княжича Василия, будущего московского государя. Против подобных мер резко возражали нестяжатели (в том числе Патрикеев).

¹³⁹ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека, стр. 125—126.

¹⁴⁰ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 226.

¹⁴¹ Там же, стр. 224—230.

Максимом его высказываний в беседах с Берсением вряд ли следует сомневаться¹⁴². Однако доказательства этого вывода у исследовательницы явно слабы. В самом деле, по допросу получается, что Максим Грек горячо сочувствовал укреплению великокняжеской власти. Н. А. Казакова приводит отрывки из сочинений Максима 30-х—начала 50-х годов XVI в., написанных им в заточении, показывающие, что публицист развивал тогда подобные взгляды. Но в ранних сочинениях, созданных Максимом на свободе, т. е. до 1525 г., ничего сходного нет. Наоборот, в «Послании» Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри Максим Грек развивает теорию гармонии светской и духовной властей, которая, даже по словам Н. А. Казаковой, представляла собой «несоответствие между системой политических взглядов Максима Грека и процессом государственной централизации»¹⁴³. Итак, доверять показаниям Максима в той части, в которой он говорит о своей «благонамеренности», очень трудно.

В ходе следствия Максим Грек оговорил не только Берсенья, но и Федора Жареного, который якобы ему жаловался, что «государь, по моим грехом, пришел жесток, а к людям немилостив».

Об итогах процесса нам известно по четырем летописным сообщениям. В Вологодско-Пермской летописи говорится, что зимой 1525 г. великий князь велел отсечь голову у «боярина своего» Берсенья «на Москве на реке», а у Ф. Жареного вырезать язык за «охульные слова». Савва и Максим были сосланы в Иосифов монастырь под надежную охрану их злейших врагов¹⁴⁴.

По Типографской летописи, сообщение о казни Берсенья помещено после рассказа о назначении в Троицкий монастырь Арсения Сахарусова (январь) и прощении князя И. М. Воротынского¹⁴⁵. Как известно, И. М. Воротынский дал поручную запись в феврале 1525 г.¹⁴⁶ Поэтому когда в летописи сообщалось, что «того ж месяца бысть у великого князя собор с митрополитом» на Максима Грека, то этот собор следует датировать февралем 1525 г. По Типографской летописи, Максим Грек послан был в Иосифов монастырь, а Савва «на Возмище» (в Возмицкий Волоколамский монастырь). Вместе с тем сообщается, что «того же месяца» и «в том же деле» Василий III велел казнить Ивана Беклемишева, а также вырезать язык у «крестового дьяка» Ф. Жареного, наказав также его кнутом (торговой казнью)¹⁴⁷.

В Пафнутаевском летописце сохранилось самое подробное сообщение о том, что в 1524/25 г. Василий III «довел . . . измену» на Савву и Максима Греков. Это известие было приведено выше. К этому прибавлено, что Даниил с Освященным собором «довел на них ересь». С ними «в совете» были И. Берсенья, П. Муха Карпов и Ф. Жареный. Обвиненные «сказали на соборе в всем виноваты». После этого Василий III «над грекы показал милость»: послал Савву «в заточение» на Возмище, Максима в Иосифов, келейника Афанасия в Пафнутаев, «а Берсенья велел казнити главною казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезати»¹⁴⁸.

В Холмогорской летописи говорится кратко: «Того же лета поймал князь великий Максима Святогорца. Того же году Берсенью головы отсекл»¹⁴⁹.

¹⁴² Н. А. Казакова. Очерки, стр. 226.

¹⁴³ Там же, стр. 229.

¹⁴⁴ ПСРЛ, т. 26, стр. 313.

¹⁴⁵ Сама Типографская летопись составлена в Троицком монастыре (см. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 248—251).

¹⁴⁶ СГГД, ч. 1, № 154.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. 24, стр. 22.

¹⁴⁸ Тихомиров, стр. 112.

¹⁴⁹ ГПБ, Погод. собр., № 1405, л. 437.

Итак, Максим Грек судился дважды: светским и духовным соборами. На втором (он состоялся в апреле—мае 1525 г.)¹⁵⁰ была осуждена его «ересь». Соборы, очевидно, проходили с большим трудом. В среде духовенства не было единодушного мнения по отношению к «ереси» Максима. Во время соборов, чтобы усилить позицию иосифлян, Даниил на место отставленных иерархов из среды нестяжателей назначает близких к нему лиц. Вместо покинувшего после 1522 г. епархию Тихона коломенским епископом стал Вассиан Топорков (племянник Иосифа Волоцкого) (2 апреля 1525 г.), а вместо вологодского епископа Пимена — игумен кирилло-белозерский Алексей (9 апреля)¹⁵¹. По Строеву, только «до 1525 г. упоминается близкий к нестяжателям архиепископ Ростовский Иоанн»¹⁵². Его место (как и место другого архиепископа — новгородского) оставалось во время соборов свободным. В итоге к апрелю—маю 1525 г. осталось только три иерарха, которые занимали свои посты при Варлааме, — верный сторонник иосифлян Досифей Крутицкий, Геннадий Суздальский и Иосиф Смоленский.

«Перебирались людшки» и среди настоятелей крупнейших монастырей. В феврале 1521 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря был назначен старец белозерской пустыни Порфирий. Но в сентябре 1524 г. он ходатайствовал за опального Шемячича и поэтому был удален со своего поста¹⁵³. Одним из деятельных участников работ Освященного собора был в 1522 и 1525 гг. архимандрит (с 1520 г.)¹⁵⁴ Симонова монастыря Герасим Замыцкий. Он умер «на покое» в Иосифовом монастыре, что говорит о его близости к иосифлянам¹⁵⁵. Одним из ближайших сподвижников Даниила стал чудовский архимандрит Иона Собина¹⁵⁶, участник соборных акций 1522 г. и февраля 1525 г.¹⁵⁷ Он принял активное участие в разбирательстве дела Вассиана Патрикеева (1531 г.). В 1522 г. Иона посылался проверять донесение о «чудесах» Макария Калязинского¹⁵⁸.

При таком составе Освященного собора судьба Максима Грека была заранее предreshена. В разбирательстве участвовали также сам Василий III, его братья, «старцы изо многих монастырей, и многим же бояром, князем и вельможам и воеводам»¹⁵⁹. Максим Грек был обвинен в том, что писал, «яко седение Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее». Обвинялся он и в том, что отрицал право русских иерархов на поставление митрополитов, ибо митрополит должен был ставиться в Царьграде¹⁶⁰. В конкретных условиях первой четверти XVI в. это означало выступление против поставления в 1522 г. иосифлянина Даниила.

Наконец, возможно, на соборе 1525 г. Максим, как и Берсень, обвинялся в «хуле» на великого князя («великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым»)¹⁶¹. В. М. Тучков (может быть, именно на соборе

¹⁵⁰ «Соборы на Максима и на Саву у великого князя на дворе в полате, также потом соборы многие были у митрополита, в полате его лета 7033 на того Максима в тех хулах, о иных, которые прибыли, взыскававшееся месяца апреля и месяца мая» (ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 11).

¹⁵¹ ПСРЛ, т. 6, стр. 264; т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 44; т. 20, стр. 403; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313. Игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Алексей был с апреля 1520 г. (Строев, стб. 55).

¹⁵² Строев, стб. 332.

¹⁵³ ПСРЛ, т. 24, стр. 222; РИБ, т. 31, стб. 327.

¹⁵⁴ СГГД, ч. 1, № 149, 154.

¹⁵⁵ Строев, стб. 150.

¹⁵⁶ Упоминается еще в 1518 и 1519 гг., с 1544 г. — суздальский епископ (Строев, стб. 162).

¹⁵⁷ СГГД, ч. 1, № 149, 154. Возможно, «Выпись» о втором браке Василия III именно его называет архимандритом Симоновским (С. Белокуров. О библиотеке московских государей, стр. LIX).

¹⁵⁸ В. Ямакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 214—215.

¹⁵⁹ ЧОИДР, 1847, № 7, стр. 1.

¹⁶⁰ Там же, стр. 5.

¹⁶¹ Там же.

1525 г.) привел речи Максима, враждебные Василию III: «просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил . . . И Максим говорил: яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство». Впрочем, Максим решительно отрицал факт произнесения подобных речей. Если что-нибудь подобное было сказано, то вряд ли слова Максима имели только «личный характер»¹⁶². Казни еретиков в 1504 г., организованные сторонниками Василия III, насильственное пострижение в монахи Патрикеевых и казнь С. Ряполовского давали афонскому монаху основание для реплики о царемучителе.

Недавно обнаружен так называемый Сибирский сборник конца XVI в., который содержит более полный текст Судного дела о Максиме Греке уже известной нам поздней редакции и послание митрополита Даниила в Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г.¹⁶³ В этом последнем перечисляются «вины», за которые был осужден на церковном соборе Максим Грек. Они сводятся к ложному учению о сидении Христа одесную отца, к выступлению против поставления русских митрополитов и к тому, что он «иная многая развращенная и пагубная глаголяше»¹⁶⁴. Это вполне соответствует тем обвинениям, которые, как можно утверждать на основе анализа материалов Судного дела, выдвигались действительно на соборе 1525 г.¹⁶⁵

Н. А. Казакова пишет, что «основной причиной осуждения Максима Грека являлось обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства»¹⁶⁶. Как можно судить по полному умолчанию об этом обвинении в грамоте от 24 мая 1525 г., с которой согласуется и анализ творчества Максима Грека и разбор Судебного дела, на соборах (светском и церковном) 1525 г. о нестяжательских взглядах Максима Грека речи не было. В начальный период своего творчества этот публицист еще не выступал с обличением стяжательской деятельности русских монастырей («Беседа ума с душой», посвященная этому сюжету, написана уже после 1531 г.). Н. А. Казакова считает, что «обвинение в критике стяжательской деятельности предъявлялось уже на соборе 1525 г.» и лишь возобновлено было в 1531 г.¹⁶⁷ Однако в речи митрополита Даниила оно сформулировано в настоящем времени («укоряеши и хулиши»), т. е. соотносено с собором 1531 г., когда судился за нестяжательство не только Максим Грек, но и Вассиан Патрикеев. Последний, кстати, не подвергался осуждению в 1525 г., несмотря на то, что развивал еще несколько лет до этого откровенно нестяжательские идеи.

¹⁶² Н. А. Казакова. Очерки, стр. 222.

¹⁶³ См.: Н. Н. Покровский. Сибирская находка. — ВИ, 1969, № 11, стр. 129—138. Материалы эти пока не изданы и используются нами по кн.: Н. А. Казакова. Очерки.

¹⁶⁴ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 238.

¹⁶⁵ До нас дошло два извода поздней редакции Судного дела о Максиме Греке, в которой слиты воедино материалы соборов 1525 и 1531 гг. Первый извод был издан давно и служил предметом специальных исследований. См.: С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1922, стр. 48—71; Н. А. Казакова. О «судном списке» Максима Грека. — АЕ за 1966 г. М., 1968, стр. 25—36; *еже же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXVIII, стр. 109—126; XXIX, стр. 108—134. Второй извод Судного дела (более полный и исправный) обнаружен недавно в Сибирском сборнике.

¹⁶⁶ Н. А. Казакова. Очерки, стр. 242. Н. А. Казакова считает, что это обвинение могло скрываться за словами «иная многая» грамоты от 24 мая (там же, стр. 238). Но на соборе 1531 г. о подобных обвинениях говорили прямо, а не в неопределенных формулировках. За словами «иная многая» могли скрываться или недоказанные обвинения, или «преступления», подлежащие светскому суду.

¹⁶⁷ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ, XXIX, стр. 131.

Герберштейн рассказывает о происшедшем очень глухо: «Когда Максим Грек» привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, «относящиеся до веры», заметив при этом «много весьма тяжких заблуждений», он «объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком, так как не следует ни Римскому, ни Греческому закону». После этого он «исчез, и, по мнению многих, его утопили»¹⁶⁸. Как видим, Герберштейн ничего определенного о деле Максима Грека не знал. Это и понятно: от имперского посла тщательно скрывали, что Максима обвиняли в том, что он выступал за войну России с Турцией, в которую стремилась втянуть Василия III и империя. Осуждение Максима Грека церковным собором позволило Даниилу укрепить свои позиции в среде высших церковных иерархов. Весной 1526 г. архиепископом Ростовским стал архимандрит Спасского Суздальского монастыря Кирилл (по Строеву, 4 марта, но это, возможно, ошибка)¹⁶⁹. Его предшественник Иоанн (близкий к нестяжателям), по Строеву, упоминался «до 1525 г.»¹⁷⁰, т. е., очевидно, покинул свою епархию не по собственной воле, а в связи с собором на Максима Грека. Наконец, после длительного промежутка времени занята была и новгородская архиепископия верным иосифлянином архимандритом Можайского Лужицкого монастыря Макарием (4 марта)¹⁷¹. С Макарием Василием III мог познакомиться еще осенью 1516 г., когда приезжал в Можайск.

Теперь можно подвести некоторые итоги. В 1525 г. на соборах у Василия III и митрополита Даниила судились не поступки, а идеи. Максим Грек и Берсень Беклемишев были осуждены за их отношение к основным вопросам внешней и внутренней политики московского государя. Если Максим Грек стоял за решительную борьбу России с Турцией, то Берсень настаивал на мире и с восточными, и с западными соседями России. И то и другое противоречило внешнеполитическим планам Василия III. Отождествить позицию Берсеня с максимовской позволило то обстоятельство, что Берсень «лаял» султана.

Основным вопросом разногласий по внутриполитическим вопросам было отрицательное отношение Максима ко второму браку Василия III. Но о нем на соборе 1525 г. предпочитали умолчать, ибо с канонической точки зрения был прав «Святогорец», а не русский Освященный собор, разрешивший этот брак. К тому же ко времени суда над Максимом развод великого князя еще не состоялся, Василий Патрикеев (главный противник развода) еще не подвергся осуждению. Взгляды Максима и Берсеня по вопросу о разводе Василия III могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам — по близости обоих лиц к Сабуровым и по взглядам Вассиана. Знаменательно только, что со стороны Берсеня подвергалась сокрушительной критике Софья Палеолог, вторая жена Ивана III. Это как бы являлось поучительным предостережением Василию III.

С разводом Василия III, возможно, связано и падение казначея Юрия Малого Траханиота. В 44-м ящике Царского архива хранилась «сказка» Юрия Грека «про немощь» Соломонии Сабуровой¹⁷².

¹⁶⁸ Герберштейн, стр. 55.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. 6, стр. 265 (января); т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 404; т. 22, стр. 520 (11 марта); т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313. Был спасским архимандритом еще в 1511 г. (Строев, стб. 664).

¹⁷⁰ Строев, стб. 332.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. 4, стр. 542 (5 марта), стр. 613; т. 6, стр. 264—265, 282; т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 403—404; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 26, стр. 313; ПЛ, вып. 1, стр. 103—104; вып. 2, стр. 227; НЛ, стр. 66, 142—143 (5 марта); Зимин, стр. 29 (14 марта); в Лужицком монастыре, 1506 г. (Строев, стб. 179).

¹⁷² «Списки-сказка Юрия Малого и Стефаниды Резанки и Ивана Юрьева сына Сабурова и Машки Корелянки и иных про немощь великие княгини Соломонины» (Описи Царского архива, стр. 23).

Расправа с Берсеном и Максимом Греком облегчила Василию III развод с Соломонией. В литературе бытует мнение, что не позднее 1520 г. Нил Грек, епископ Тверской (умер 3 апреля 1521 г.), ходил в Царьград с целью получить благословение патриархов на развод Василия III¹⁷³. Поездка Нила Грека в Царьград действительно имела место¹⁷⁴. Вопрос только состоит в том, когда она была и какую цель преследовала. В «Выписи о втором браке» рассказывается, что после ссылки Максима Грека в Тверь и Вассиана Патрикеева в Иосифов монастырь (это было в 1531 г.) Василий III пишет послание четырем патриархам о разводе. В ответ иерусалимский патриарх Марк предупреждает: «за прелюбодеяние бо воздают царем порушением царства их»¹⁷⁵ — текст, явно навеянный уже крутыми временами Ивана Грозного. «Выпись» о браке явно не согласуется с данными о жизни Нила Грека. Поэтому мы не склонны его поездку связывать с разводом великого князя. Никаких грамот патриархов Василию III до нас не дошло.

Василий III долго не решался на развод. Еще в 7033 г. (т. е. в июле 1524—августе 1525 г.) он «с великою княгинею» ездил в Волоколамск и Можайск в «объезд». В том же году от имени московского государя в Троицкий монастырь была пожертвована пелена с молением о чадородии Соломонии и великого князя, а также покров с избранием Сергия Радонежского¹⁷⁶. Следующая поездка великого князя «в объезд» (с 10 сентября по 10 ноября 1525 г.) уже была совершена без великой княгини¹⁷⁷. Вопрос был решен.

После розыска (о «неплодстве»)¹⁷⁸ в ноябре 1525 г. Соломония Сабурова была пострижена в монахини под именем Софии¹⁷⁹. По официальной версии, это произошло из-за болезни первой супруги великого князя¹⁸⁰. В кругах митрополита Даниила писали даже, что сама Соломония, «видя неплодство из чрева своего», просила разрешить ей принять постриг. Великий князь якобы долго сопротивлялся этому, но после того, как она обратилась к Даниилу, вынужден был согласиться на ее просьбу¹⁸¹.

В других же летописях глухо говорится, что Соломония была пострижена «бесплодия ради»¹⁸² или деловито: «по совету ея, тягости ради и болезни и бездетства»¹⁸³. На самом же деле все было совсем иначе. Курбский писал, что Василий III постриг Соломонию, «не хотящу и не мыслящу ей о том»¹⁸⁴. Подробно об этих событиях рассказывает Герберштейн. Соломония, оказывается, энергично сопротивлялась постригу и растоптала монашеское одеяние. Тогда один из ближайших советников Василия III — Иван Шигона «не только выразил ей резкое порицание,

¹⁷³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, стр. 733.

¹⁷⁴ В Царском архиве хранились «Списки владыки тверскаго Нила, что послан был к патриарху в Царьград» (Описи Царского архива, стр. 22, ящик 36).

¹⁷⁵ С. Белокуров. О библиотеке московских государей, приложения, стр. IX.

¹⁷⁶ «Троице-Сергиева лавра». М., 1968, стр. 125—126.

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 21 об.

¹⁷⁸ Из этого «розыска» сохранилась только «память» И. Ю. Сабурова о том, как Соломония пыталась излечиться от неплодия (АИ, т. 1, № 130, стр. 192).

¹⁷⁹ По Пустыньковскому летописцу, на нее возложена «опала» 28 ноября, а 29 ноября она пострижена (М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской. — «Исторические записки», 46, 1954, стр. 280). По Вологодско-Пермской летописи, пострижена в декабре (ПСРЛ, т. 26, стр. 313), по Воскресенской — в ноябре (ПСРЛ, т. 8, стр. 271), по другим летописям — 30 ноября (НЛ, стр. 124; А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», кн. V, стр. 11), иногда — 28 ноября (ПСРЛ, т. 6, стр. 264).

¹⁸⁰ ПСРЛ, т. 6, стр. 264.

¹⁸¹ ПСРЛ, т. 24, стр. 222—223; Тихомиров, стр. 111—112. Об этом рассказе см.: А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 248—250.

¹⁸² М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской, стр. 280.

¹⁸³ ПСРЛ, т. 8, стр. 271.

¹⁸⁴ РИБ, т. 31, стб. 162—163.

но и ударил ее бичом». После того как Шигона сказал, что пострижение производится по воле государя, Соломония смирилась со своей участью¹⁸⁵. Соломония была пострижена под именем Софьи «у Рождества Пречистые на Рве», после чего сослана в Каргополь на 5 лет, а затем переведена в Покровский Суздальский монастырь¹⁸⁶. Сохранилась жалованная грамота Василия III от 19 сентября 1526 г. в Покровский монастырь, в которой читаем: «пожаловал старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским. . . до ее живота»¹⁸⁷. 7 мая 1526 г. великий князь пожаловал Покровский монастырь селом Павловским Суздальского уезда¹⁸⁸. Возможно, все это было запоздалой компенсацией за насилие, совершенное над когда-то горячо любимой женой¹⁸⁹. Умерла Соломония 18 декабря 1542 г.

После 1525 г. с политического горизонта надолго исчез Иван Шигона, который, очевидно, «переусердствовал» в своем стремлении угодить Василию III при пострижении Соломонии.

Широко бытует предание о том, что Соломония уже в иночестве родила сына Василия III, который в детском возрасте скончался¹⁹⁰. Оно возникло очень рано. О нем сообщает уже Герберштейн. Этот слух подтверждали жены казначея Юрия Малого (к тому времени уже опального) и постельничего Якова Мансурова со ссылкой на признание самой Соломонии. Василий III, узнав об этом слухе, страшно разгневался, приказал подвергнуть жену Юрия бичеванию, но все же послал в монастырь комиссию в составе дьяков Меньшого Путятина и Третьяка Ракова разузнать «правильность этого слуха». Герберштейн добавляет, что одни говорили о рождении у Соломонии сына Юрия, а другие это отрицали¹⁹¹.

А. Д. Варганов, проводивший в 1934 г. в Суздале археологические разведки, обнаружил в гробнице Соломонии одежду мальчика XVI в.¹⁹² Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы признать достоверность слуха о рождении у Соломонии сына.

Не прошло и двух месяцев после насильственного пострижения Соломонии, как 21 января 1526 г. великий князь всея Руси Василий Иванович сочетается вторым браком. На этот раз его женой стала Елена Васильевна Глинская, племянница находившегося в заточении князя Михаила Львовича¹⁹³.

Позднее псковский летописец записал: «а все то за наше согрешение яко же написал апостол: пусть жену свою, а оженится иною, прелюбы творит»¹⁹⁴. Пафнутьевский летописец сообщает, что великий князь «возлюбил Елену лепоты ради лица и благообразия възраста, наипаче же целомудриа ради»¹⁹⁵.

¹⁸⁵ Герберштейн, стр. 38.

¹⁸⁶ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской, стр. 280; РИБ, т. 31, стб. 163.

¹⁸⁷ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, прим. № 280; ср.: ЦГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. IV, № 22, л. 1.

¹⁸⁸ АИ, т. 1, № 131, стр. 192—193.

¹⁸⁹ В Царском архиве хранились «грамоты великого князя Василия к великой княгине Соломониде из Пскова и из Смоленска» (Описи Царского архива, стр. 21, ящик 27). В 1515 г. Василий III с Соломонией ездил по монастырям.

¹⁹⁰ См., например: И. Токмаков. Описание Покровского монастыря в Суздале. Владимир, 1913, стр. 46; Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 232—236.

¹⁹¹ Герберштейн, стр. 38—39.

¹⁹² Е. С. Видонова. Детская одежда начала XVI в. — КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 68—75.

¹⁹³ ПСРЛ, т. 4, стр. 542, 613; т. 6, стр. 264 (24 января); т. 8, стр. 271; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 403; т. 21, стр. 604; т. 22, стр. 520; т. 23, стр. 204; т. 24, стр. 24 (21 февраля); т. 26, стр. 313 (в неделю о блудном); т. 28, стр. 161; Герберштейн, стр. 39; Зимин, стр. 11, 29, 38; Тихомиров, стр. 113—114 (28 января); РК, стр. 9—10; ПЛ, вып. 1, стр. 103; вып. 2, стр. 227; ГПБ, Эрмитаж, № 390, л. 84; ЦГАДА, ф. 156, д. № 1.

¹⁹⁴ ПЛ, вып. 2, стр. 227.

¹⁹⁵ Тихомиров, стр. 113—114.

Впрочем, новый брак вряд ли был продиктован пылкими чувствами Василия Ивановича. Великий князь умел подчинять голос своего сердца голосу трезвого рассудка. С. Герберштейн, объясняя причины брака, писал, что Василий III помимо желания иметь наследника «руководствовался двумя соображениями: во-первых, тесть его вел свой род от семейства Петрович, которое пользовалось некогда громкой славой в Венгрии и исповедовало греческую веру».

Беря в жены представительницу влиятельнейшего рода служилых князей Юго-Западной Руси, Василий III как бы торжественно провозглашал нерушимое единство этих земель с Северо-Восточной Русью. К тому же на двоюродной сестре Елены (по женской линии) был женат молдавский господарь Петр Рареш¹⁹⁶. Этот брак, следовательно, укреплял русско-молдавский союз, своим острием направленный против Сигизмунда. Повторялась история с отцом великого князя, когда Иван III женился на дочери валашского господаря Стефана.

Вторым соображением Василия III Герберштейн считает то, что великий князь рассчитывал на князя Михаила как на опекуна в случае, если сам Василий Иванович умрет и после его смерти останутся малолетние дети, положение которых будет небезопасно при наличии братьев князя Василия, имевших виды на великокняжеский престол. Во всяком случае, продолжает Герберштейн, «в нашу бытность там (т. е. до 22 ноября 1525 г. — А. З.) стали вести переговоры об освобождении Михаила; мало того, нам довелось видеть, как с него сняли оковы, с почетом отпустили его на поруки, затем даровали и полную свободу»¹⁹⁷. Впрочем, на полную свободу князь Михаил был отпущен только в феврале 1527 г.¹⁹⁸, но по нем вынуждены были дать поручную грамоту представителя московской знати¹⁹⁹. Самого князя Михаила «для прочности» женили на дочери боярина князя Ивана Немого Васильевича Оболенского и пожаловали Стародубом Ряполовским в вотчину²⁰⁰, а, быть может, тогда же Юрьевцем Польским в кормлении²⁰¹.

Можно обратить внимание еще на три дополнительных обстоятельства в связи с браком Василия III. Родственные узы с виднейшей литовско-русской княжеской фамилией укрепляли позиции московского государя в Литве. К тому же Глинские производили свой род от хана Большой Орды чингизида Ахмата²⁰². Василий III всю свою жизнь стремился решить казанскую проблему. Назначение царевича Петра наследником, казалось, создавало возможность мирного воссоединения России и Казани. Но в 1523 г. Петр умер. В Казани укрепился крымский ставленник. Казанский поход 1524 г. окончился неудачей. Брак с Еленой Глинской вновь создавал некоторые условия для возобновления борьбы за наследие ханов Золотой Орды.

Было и еще одно обстоятельство, которое мог учитывать Василий III, останавливая свой выбор на Елене Глинской. Дело в том, что император Максимилиан уже давно ходатайствовал за освобождение князя Михаила Глинского, хорошо известного на Западе. Еще в 1517 г. С. Герберштейн передал эту просьбу императора Василию III²⁰³. На это ответили отказом, сообщив послу, что Глинский вообще-то был приговорен к казни, но он

¹⁹⁶ М. Н. Тихомиров. Страница из жизни Ивана Пересветова. — В сб.: «Русско-европейские литературные связи». М.—Л., 1966, стр. 399—402.

¹⁹⁷ Герберштейн, стр. 39.

¹⁹⁸ ПСРЛ, т. 8, стр. 272; т. 13, стр. 45; т. 20, стр. 404; т. 26, стр. 314; ГПБ, Эрмитаж, № 390, л. 89 об.; Сб. РИО, т. 35, стр. 775; Герберштейн, стр. 39, 172.

¹⁹⁹ СГГД, ч. 1, № 155.

²⁰⁰ ПСРЛ, т. 22, стр. 251; Шмидт, стр. 283.

²⁰¹ В описи Царского архива упоминаются в ящике 110 «книги Юрьевца, что за князем за Михаилом за Глинским» (Описи Царского архива, стр. 28—29).

²⁰² I. Wolff. Kniazowa Litewsko-russcy. Warszawa, 1895, str. 77—86.

²⁰³ Сб. РИО, т. 35, стр. 544; Герберштейн, стр. 172.

просил митрополита Варлаама, «чтобы ему опять быть в Греческом законе», т. е. речь шла о переходе Глинского в православие. Варлаам его «от казни взял» и «пытает, чтобы он не неволею приступил к вере»²⁰⁴. В конце 1522 г. русские послы, отправленные к Сигизмунду, на вопрос о судьбе Глинского должны были отвечать, что он «ныне» перешел «в греческий закон», а «его государь наш в своей опале освободил»²⁰⁵. Когда в конце 1525 г. решался вопрос о браке Василия III, в Москве снова находился Герберштейн, с которым опять велись разговоры о князе Михаиле²⁰⁶. Брак на племяннице Михаила Глинского и освобождение его самого из заточения должны были содействовать успеху переговоров России с Империей.

* * *

Таковы обстоятельства, приведшие в 1525 г. к заточению Максима Грека и казни И. Н. Берсея Беклемишева. Они, как мы пытались показать, объясняются сложным переплетением внешне- и внутриполитических обстоятельств. Максим Грек был устранен с политической арены, поскольку оказался связанным с политическими силами, ориентировавшимися на основного противника Василия III — князя Юрия Ивановича Дмитровского. К этому добавились и серьезные внешнеполитические разногласия московского государя, стремившегося к установлению добрососедских отношений с Портой, и афонского монаха, мечтавшего о скорейшем освобождении греков от турецкого ига.

²⁰⁴ ПСРЛ, т. 36, стр. 546.

²⁰⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 661.

²⁰⁶ Герберштейн, стр. 172.